

ТЕМА НОМЕРА

СОЦИАЛЬНАЯ АКТИВНОСТЬ И ТРАНСФОРМАЦИИ ИДЕНТИЧНОСТЕЙ: ПРОЦЕССЫ В РОССИИ И ЕВРОСОЮЗЕ

DOI: 10.19181/vis.2021.12.1.697

Социально активные группы российского общества: формирование запроса на демократическое участие

Статья подготовлена при поддержке РФФИ, проект «Человеческий капитал профессионалов: состояние, воспроизводство, роль в конкурентоспособности России» № 19-29-07172

Ссылка для цитирования: Петухов В. В., Петухов Р. В. Социально активные группы российского общества: формирование запроса на демократическое участие // Вестник Института социологии. 2021. Том 12. № 1. С. 16–38. DOI: 10.19181/vis.2021.12.1.697

For citation: Petukhov V. V., Petukhov R. V. Socially active groups of Russian society: forming a demand for democratic participation. *Vestnik instituta sotziologii*. 2021. Vol. 12. No. 1. P. 16–38. DOI: 10.19181/vis.2021.12.1.697



**Петухов
Владимир Васильевич¹**

¹ Институт социологии ФНИСЦ РАН,
Москва, Россия

petuhovvv@mail.ru

AuthorID РИНЦ: 664339



**Петухов
Роман Владимирович¹**

¹ Институт социологии ФНИСЦ РАН,
Москва, Россия

petukhovrv@yandex.ru

AuthorID РИНЦ: 585300

Аннотация. В статье на основании данных массовых опросов оценивается степень политизации и включённости в практики гражданского участия социальной группы «профессионалов», под которыми подразумеваются россияне, имеющие высшее образование и, как правило, зарабатывающие деньги умственным трудом. Как считается, именно эта часть общества является одной из основных опор демократических режимов большинства развитых стран мира. В российских реалиях, как отмечают авторы статьи, представители этой группы в течение долгого времени были ориентированы на индивидуальную самореализацию и сторонились участия в общественно-политической жизни страны, что привело к отсутствию адекватного представительства их интересов в публичной политике. В последние несколько

лет, как показывают исследования ФНИСЦ РАН, на фоне осознания «профессионалами», как и к многими другими представителями среднего класса, важности благоприятной социальной среды (безопасность, включая экологическую, наличие развитой социальной инфраструктуры, невмешательство кого бы то ни было в их частную жизнь и т. п.) начал формироваться запрос на демократическое участие. Авторы полагают, что это запрос не только на адекватное представительство интересов этих групп во власти, но и на изменение самого характера взаимоотношений общества и государства.

В статье отмечается, что непосредственная включённость «профессионалов» в практики политического и социального участия пока носит пульсирующий характер, представляя собой их реакцию на те или иные политические события, которые им представляются важными. Несмотря на то, что уровень этой включённости не слишком высок, он, тем не менее, заметен, а иногда в разы, превосходит аналогичные показатели других социально-профессиональных групп. В случае же дальнейшего ухудшения общественно-политической среды и снижения уровня жизни в стране, «фоновый» интерес большей части российских «профессионалов» к политике может трансформироваться в систематические и более активные практики демократического участия.

Ключевые слова: профессионалы, демократия, гражданское участие, креативный класс, эмансипационные ценности, интерес к политике, гражданский активизм

Кризис демократии или её переход в новое качество?

Один из наиболее известных интеллектуалов современности Генри Киссинджер в недавней статье в *The Wall Street Journal* предрекал, что после пандемии Covid-19 вера в институты многих стран пошатнётся на фоне их реальной или мнимой неспособности предвидеть и противостоять болезни¹. Однако сейчас уже очевидно, что опасения многих западных экспертов² по поводу «убийства» демократии и её институтов эпидемией коронавируса оказались явно преувеличенными. Не говоря уже о том, что демократию «хоронят» не первый десяток лет, задолго до этой и многих других эпидемий. Негативные последствия от неё можно ожидать скорее в странах так называемого конкурентного авторитаризма (*competitive authoritarianism*) [13], в которых политические лидеры могут использовать коронавирус как повод для консолидации своих персоналистских режимов за счёт ещё большего ограничения формально действующих демократических институтов и механизмов.

Одновременно с этим нельзя отрицать, что эпидемия коронавируса высветила неэффективность многих институтов западной демократии, ярким подтверждением чему является активная критика пра-

¹ Kissinger H. The Coronavirus Pandemic Will Forever Alter the World Order // *The World Street Journal*. 03.04.2020. URL: <https://www.wsj.com/articles/the-coronavirus-pandemic-will-forever-alter-the-world-order-11585953005> (дата обращения: 12.05.2020).

² См. напр.: Schmemmann S. The Virus Comes for Democracy // *The New York Times*. 02.04.2020. URL: <https://www.nytimes.com/2020/04/02/opinion/coronavirus-democracy.html> (дата обращения: 12.05.2020); Biebe F. Authoritarianism in the Time of the Coronavirus // *Foreign policy*. 30.03.2020. URL: <https://foreignpolicy.com/2020/03/30/authoritarianism-coronavirus-lockdown-pandemic-populism/> (дата обращения: 12.05.2020); Более 500 общественных деятелей предупредили об угрозах демократии на фоне пандемии // *Коммерсантъ*. 25.06.2020. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4391124> (дата обращения: 25.06.2020) и др.

вительственных мер, развернувшаяся почти во всех развитых странах. Однако это не является проявлением кризиса фундаментальных основ демократии, скорее свидетельством недовольства граждан её избыточной элитизацией, отрывом от нужд и интересов населения, нечувствительностью к проявлениям неравенства, на фоне чего формируется новый общественный запрос на «демократизацию демократии» и защиту социальной сложности как основной ценности современного общества [8, с. 310]. Речь в первую очередь идёт о расширении возможностей непосредственного политического участия граждан, которое, как отмечают Р. Инглхарт и К. Вельцель, будет являться непосредственной чертой демократии в постиндустриальных обществах [10, с. 73].

Предпочтение непосредственного или сетевого участия иерархическим коллективным политическим субъектам (партии, профсоюзы и т. п.) является чертой постиндустриальных обществ. Это, в свою очередь, вызывает существенный сдвиг в восприятии властного авторитета. Инглхарт и Вельцель отмечают, что по мере укоренения в обществе постмодерна ценностей самовыражения, любая внешняя власть, не служащая благу человека, начинает вызывать неприятие. Этот сдвиг является одним из элементов выявленной ими взаимозависимости успехов в социально-экономическом развитии общества, распространённости в нём ценностей самовыражения и высоким уровнем эффективности демократических институтов [10, с. 414–415]. Связующим же звеном между социально-экономическим развитием и демократическими институтами выступают ценности самовыражения (индивидуалистические или эмансипационные) [10, с. 413].

Эмансипационные ценности, безусловно, распространены неравномерно не только между разными странами, но и между социальными стратами в каждом конкретном обществе. В качестве основного ядра носителей этих ценностей обычно рассматривается средний класс, а точнее, та его часть, которая в литературе называется «интеллектуалами», «креативным классом», «богемной буржуазией» [4; 5; 22].

Вне зависимости от того, какой термин используется для наименования социально активной части общества, её представителей зачастую характеризуют как обладателей значительного культурного капитала и высокого уровня образования. Актор концепции «креативного класса» Ричард Флорида исходит из того, что соответствующую социальную страту формируют люди двух категорий – это, во-первых, те, кто занимается творческой деятельностью по «созданию значимых новых форм» (суперкреативное ядро), а, во-вторых, те, чья профессиональная деятельность предполагает участие «в творческом решении проблем, используя комплексные знания при подходе к специфическим проблемам» [22, с. 86], т. е. специалисты-профессионалы, зарабатывающие деньги умственным трудом. Представителей «креативного класса» отличает приверженность индивидуальному своеобразию, ориентированность на личную успешность, заработанную упорным трудом, стремление к разнообразию¹ и открытости, самостоятельность в принятии решений, а также

¹ В данном контексте «разнообразие» понимается в узком, идеологически окрашенном смысле, как принятие разных гендерных и сексуальных установок.

активная жизненная позиция по общественно значимым вопросам [22, с. 94–98]. Эти особенные свойства и ценности рождают критическое отношение к политической власти и в целом к авторитету.

Не менее важным фактором, влияющим на отношение обозначенных групп к власти, является их намного большая, по сравнению с остальной частью населения, интегрированность в глобальную экономику. Зигмунд Бауман называет мобильность самым мощным фактором расслоения в современном мире, способствующим созданию новых и перестройке существующих иерархий [3, с. 20]. Развитие креативной экономики, с одной стороны, и высокий уровень образованности и мобильности – с другой, позволяют «профессионалам» выбирать не только работодателя, но и город или даже страну проживания [19, с. 128–129]. Это, в свою очередь, меняет их отношение к власти, которая воспринимается ими не столько как грозный «левиафан», защищающий от ужасов «войны всех против всех», но забирающий при этом у подданных естественную свободу, сколько как корпорация, конкурирующая с другими игроками на рынке публичных услуг¹. В целом же можно констатировать, что во многих развитых странах уже не столько институты и механизмы², сколько активность представителей креативного класса становится основной гарантией сохранения и развития демократии.

А что же Россия? Очевидно, что политический режим нашей страны близок к тому, что в литературе называют персоналистским режимом или конкурентным (электоральным) авторитаризмом [6; 7; 13; 22]. И, соответственно, когда россиян спрашивают, удовлетворены ли они «работой демократии» в стране, то, судя по данным Европейского исследования ценностей (ESS) 2018 г., лишь 18% опрошенных дали утвердительный ответ, тогда как почти в 2 раза больше респондентов (34%) сочли её неудовлетворительной, а 38% уклонились от однозначного ответа³. На фоне большинства других европейских стран, данные по которым представлены в этом исследовании, такие показатели выглядят не слишком впечатляющими (см. рис. 1).

¹ Идеология оценки и выбора места жительства хорошо прослеживается, например, в серии исследований PricewaterhouseCoopers (PwC) «Cities of Opportunity», в которых сравнивались мировые столицы с точки зрения комфортности жизни и ведения бизнеса. В основе этого подхода лежит представление о том, что в будущем креативная индустрия станет основным драйвером развития городов, а, следовательно, городские власти будут конкурировать в привлечении необходимых для их развития человеческих ресурсов. Подробнее см.: «Cities of Opportunity 7» // URL: <https://www.pwc.com/us/en/cities-of-opportunity/2016/cities-of-opportunity-7-report.pdf> (дата обращения: 14.05.2020) и «Мегаполис будущего. Пространство для жизни» // URL: <https://www.pwc.ru/ru/publications/megapolis-future-rus.pdf> (дата обращения: 14.05.2020).

² Например, согласно данным Международного института демократии (IDEA) с 21 февраля по 7 июня не менее 65 стран по всему миру приняли решение отложить проведение национальных и местных выборов в связи с COVID-19. Подробнее см.: «Глобальный обзор влияния COVID-19 на выборы» // URL: https://www.idea.int/sites/default/files/multimedia_reports/RUS%20Global%20Overview%20Elections%20and%20COVID19-10-06-2020.pdf (дата обращения: 25.06.2020).

³ Важно при этом отметить, что в данном случае речь идёт не о демократии как ценности (здесь показатели позитивно высокие), а её инструментальном аспекте, т. е. о том, как демократия функционирует на практике, обеспечивая реализацию «общего блага» и, прежде всего, создавая условия для минимизации разнообразных неравенств, включая возможность самореализации и политического выбора, а также равенства всех граждан перед законом.

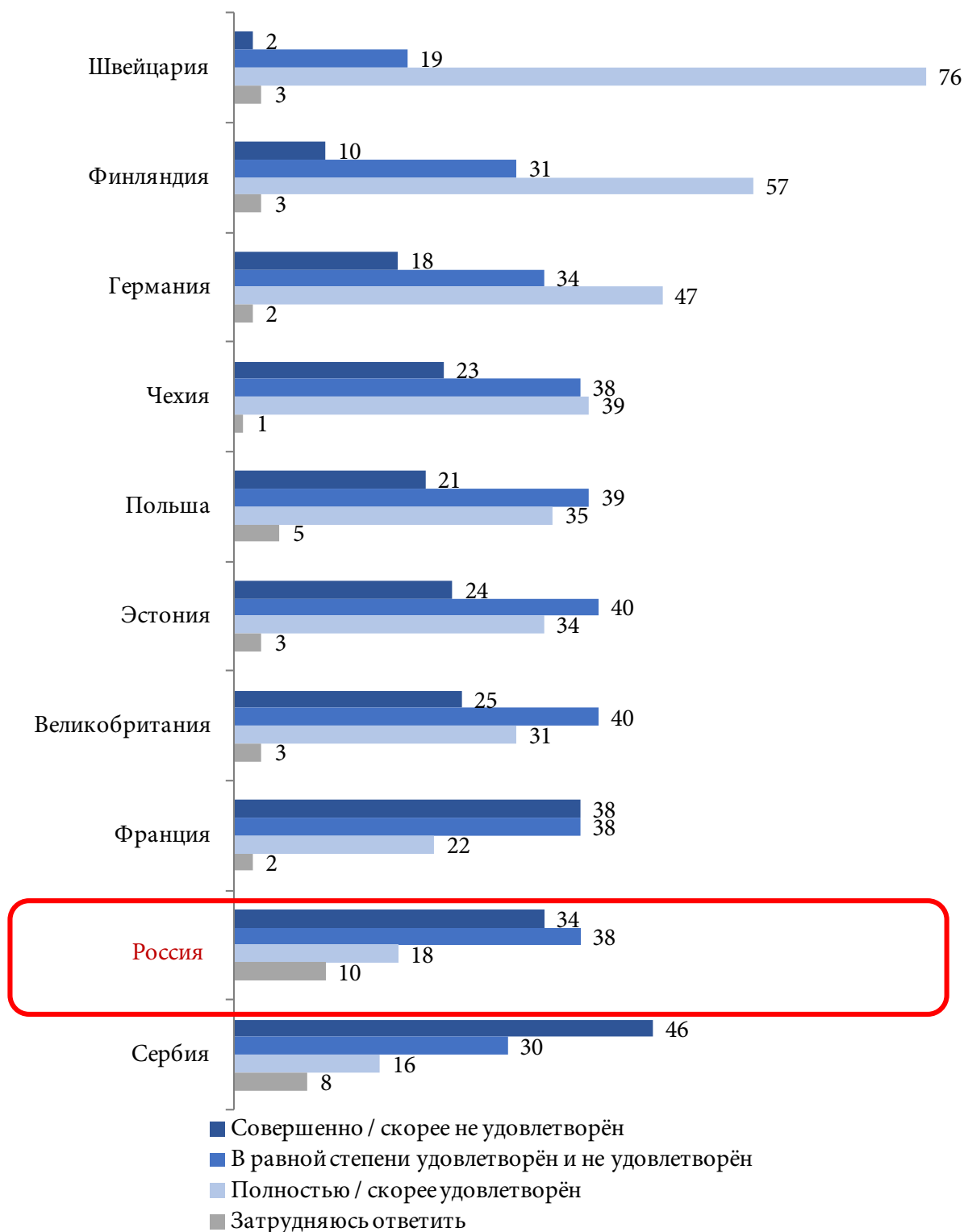


Рис. 1. Насколько Вы удовлетворены тем, как работает демократия в стране?
 ESS, 2018 г., %¹ (отсортировано по тем, кто полностью/скорее удовлетворён)
Figure 1. How satisfied are you with the way democracy works in this country?

¹ Европейское социальное исследование (ESS). Полевые работы всех волн Европейского социального исследования в России выполняла независимая исследовательская научная организация ЦЕССИ (Институт сравнительных социальных исследований). Подробнее ознакомиться с материалами и методикой исследования можно на сайте: https://www.europeansocialsurvey.org/about/country/russian_federation/. Ответ предлагалось дать по шкале от 0 до 10, где 0 – совершенно не удовлетворён, а 10 – полностью удовлетворён. Для упрощения визуального представления ответы по позициям 0–3, 4–6 и 7–10 были суммированы.

С другой стороны, не только опросы общественного мнения, но и реальные практики социального и политического участия показывают достаточно высокую степень востребованности демократии российским обществом. Но, если в развитых демократиях гражданское участие во многом есть производное от совершенствования публичных институтов и публичной политики, то в России «живое творчество масс», напротив, является следствием, скорее, «закупорки» многих легальных институциональных возможностей социального и политического участия. И в этом смысле оно представляет собой альтернативу антидемократическому тренду российской политики [17].

Социально-экономические процессы, запущенные кризисом 2014–2018 гг., поставили сегодня российское общество перед выбором между дальнейшей консервацией персоналистского режима и усилением авторитарных тенденций, с одной стороны, и демократизацией политической жизни страны, – с другой. Первая из этих двух альтернатив реализуется через решения и действия правящей элиты при пассивной поддержке значительной части российского общества. А вторая пока существует в основном в форме общественного запроса на перемены, число сторонников которого на протяжении последних трёх лет растёт.

Конституционная реформа, инициированная в январе 2020 г. действующей властью, и эпидемия коронавируса, усилившая зависимость многих людей от государства, поставили под вопрос реализацию данного общественного запроса. Многие опросы общественного мнения и иные социологические исследования фиксируют рост социального напряжения в российском обществе¹, однако до настоящего момента «глухое» недовольство многих россиян действиями властей не трансформируется в активное коллективное действие по переводу страны в новое качественное состояние, предполагающее более справедливое социально-политическое устройство. Для того, чтобы потребность в изменениях приобрела характер политического запроса на демократизацию власти и общества, у неё должна появиться чётко определяемая социальная база.

Как было показано выше, многие современные социальные теории сходятся во мнении, что основными агентами демократических реформ являются наиболее «эмансипированные» группы и слои общества. В России главными носителями модернизационных ценностей принято считать представителей верхней страты общества, составляющей, по оценке профессора Н. Тихоновой, порядка 20% населения России и представленной по преимуществу профессионалами, руководителями

¹ Например, см.: Волков Д. Карантин и конституция. Как пандемия изменила отношение общества к поправкам // Carnegie.ru. 15.06.2020. URL: <https://carnegie.ru/commentary/82065> (дата обращения: 16.07.2020); Белановский С., Никольская А. Конец «путинского большинства»: о чём на самом деле говорится в докладе группы Белановского // Forbes.ru. 18.06.2020. URL: <https://www.forbes.ru/obshchestvo/403121-konec-putinskogo-bolshinstva-o-chem-na-samom-dele-govoritsya-v-doklade-gruppy> (дата обращения: 17.07.2020); Российское общество выйдет из карантина с изменившимися ценностями и политическими взглядами. Интервью с М. Дмитриевым и А. Никольской // Znak.com. 25 мая 2020. URL: https://www.znak.com/2020-05-25/eksperty_sprognozirovavshie_protesty_na_bolotnoy_kakim_rossiyskoe_obchestvo_vyehodit_iz_karantina (дата обращения: 20.07.2020).

и предпринимателями [21, с. 421]. Отметим, что социально-профессиональная группа «профессионалов»¹ вбирает в себя значительную часть тех, кого можно было бы охарактеризовать российским «креативным классом». Однако готовы ли они реализовать отводимую им роль одной из движущих сил общественных преобразований?² Окончательный ответ на этот вопрос может дать только время, но можно попытаться ответить на ряд иных вопросов³:

- во-первых, насколько у российских «профессионалов» выражены эмансипационные ценности;
- во-вторых, каково отношение его представителей к политике в целом и к демократическим ценностям в частности;
- в-третьих, какова степень их потенциальной и реальной включённости в различные практики гражданского участия?

Эмансипационные ценности российских «профессионалов»: нелинейный характер их взаимоотношений с демократией

Авторы эволюционной теории модернизации Р. Инглхарт и К. Вельцель на широком массиве данных межстрановых исследований доказывают наличие связи между распространением в обществе эмансипационных ценностей и вероятностью утверждения в нём демократии [10]. Каждая из более чем сотни исследуемых стран помещается в условную систему координат, вертикальной осью которой является континуум,

¹ Под «профессионалами» в данном исследовании мы будем понимать прежде всего объединённую группу профессий, предъявляющих для принадлежности к ним соответствующие критерии, подробно изложенные в Международном классификаторе профессий ISCO-08 (см. подробнее: <https://www.ilo.org/public/english/bureau/stat/isco/isco08/>) и отечественного ОКЗ (Общероссийского классификатора занятий; см. подробнее: <https://classifikators.ru/okz>). В целом группа профессионалов объединяет людей, работающих на должностях, требующих высшего образования (например: инженеры, юристы, научные сотрудники, врачи и т. п.). Подробнее см.: [20].

² Надо отметить, что большинство россиян в этом качестве склонны скорее видеть молодёжь. Практически каждый второй опрошенный (55%) именно её назвал наиболее заинтересованной в общественных переменах. 27% опрошенных отметили средний класс в целом, а интеллигенцию (врачей, учителей, научных работников) – 23%.

³ В настоящей работе мы будем решать эти задачи, обращаясь к массиву данных девяти волн Мониторингового исследования «Динамика социальной трансформации современной России в социально-экономическом, политическом, социокультурном и этнорелигиозном контекстах», проведённого Институтом социологии ФНИСЦ РАН в 2014–18 гг. Каждая из девяти волн Мониторингового исследования проводилась по общероссийской выборке (N=4000), репрезентировавшей население страны по региону проживания, а внутри него – по полу, возрасту, уровню образования и типу поселения. Также в работе используются данные всероссийского опроса общественного мнения, проведённого в июне 2019 г. ИС ФНИСЦ РАН в сотрудничестве с Ассоциацией российских банков. Опрос проводился по общероссийской выборке (N=2000), репрезентировавшей население страны по региону проживания, а внутри него – по полу, возрасту, уровню образования и типу поселения.

сформированный традиционными и секулярно-рациональными ценностями, а горизонтальной – континуум ценностей выживания и самовыражения (см. рис. 2). Как видно из приведённого ниже рисунка, Россия, с одной стороны, относится к числу стран с довольно выраженными секулярно-рациональными ценностями, но, с другой стороны, ценности самовыражения в нашей стране заметно уступают ценностям выживания. Надо отметить, что к похожим выводам приходят не только Инглхарт и Вельцель, но и российские исследователи, работающие с данными межстрановых исследований [12; 16; 25; 26]. Тем не менее исследования последних лет показывают, что в 2010-х гг. в России произошёл постиндустриальный сдвиг в ценностях, повлекший увеличение количества россиян, разделяющих индивидуалистически ориентированные установки [1; 15; 22].

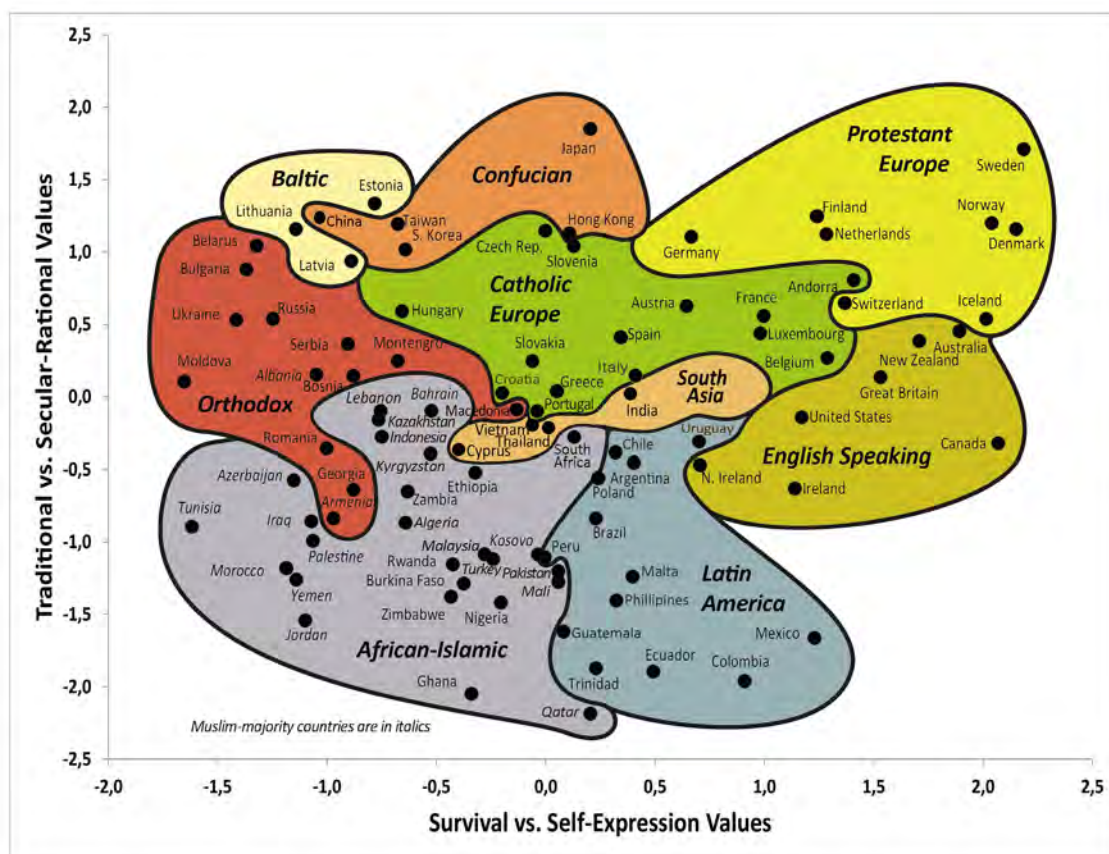


Рис. 2. Карта культур Инглхарта-Вельцеля, основанная на данных 6-й волны ESS (2010–2014 гг.).

Figure 2. Inglehart-Welzel cultural map based on wave 6 data of ESS (2010–2014)

Источник: <http://www.worldvaluessurvey.org/WVSContents.jsp>.

В первую очередь речь идёт о той части «среднего класса», которую принято именовать «профессионалами» и для которых характерна концентрация жизненных шансов в самых разных областях, наличием высшего образования, а также качественными показателями занятости и востребованностью на рынке труда [2; 21].

Эмансипация условно «продвинутых» групп общества в эпоху постмодерна имеет важное функциональное измерение. Как отмечает Данило Дзоло, внедрение технологических новшеств приводит к беспрецедентному распространению в современных обществах дифференциации, мобильности, знаний и возможностей для получения нового опыта, что, в свою очередь, обостряет потребность в функциональной независимости и личной свободе [8, с. 311]. Наши исследования показывают, что в России также существует достаточно широкая социальная группа, представители которой в достижении своих жизненных целей ориентированы на собственные силы и в меньшей степени – на поддержку государства. Исходя из данных опроса, проведённого летом 2019 г., доля готовых самостоятельно обеспечивать себя и свою семью, не ожидая помощи со стороны государства, составила чуть меньше половины опрошенных (45%). Однако, как видно из данных таблицы 3, среди руководителей и профессионалов заметно больше респондентов, ориентированных на «самодостаточность» (64 и 59% соответственно).

Функциональная независимость проявляется не только в отказе от патронажа государства, но и в готовности к самостоятельной деятельности, проявлению инициативы и предприимчивости, готовности отстаивать свои интересы. Показательно, что среди «руководителей» и «профессионалов», разделяющих точку зрения, что *«Главное – это инициатива, предприимчивость, поиск нового в работе и жизни»*, значительно больше, чем в целом по выборке (72 и 69% против 52% в среднем по выборке). Причём для многих «профессионалов», и в особенности для «руководителей», инициативность является не только априорной ценностной установкой, но и реальной практикой.

Несколько меньший разрыв наблюдается в суждениях респондентов относительно их предрасположенности к разным способам адаптации к существующей реальности. Так, около 60% респондентов этих групп декларируют готовность бороться за свои права и интересы, тогда как чуть более 40% склоняются к пассивным и неконфликтным способам адаптации. Отметим, что для российского общества, которое на протяжении долгого времени многими оценивалось не иначе как «патерналистское» и «этатистское» [14], столь значительная доля (как в целом среди опрошиваемых, так и особенно среди руководителей и «профессионалов»), заявляющих о неприемлемости «мимикрии» к окружающей реальности, а также ориентирующихся на индивидуальный выбор и личную ответственность, свидетельствует о существенных сдвигах в общественных настроениях.

«Руководители», «профессионалы» и «полупрофессионалы» также отличаются от других профессиональных групп своим отношением к труду и успеху. Как видно из приведённой выше таблицы, более половины респондентов из этих трёх групп согласны с утверждением, что упорный труд, как правило, приводит к улучшению жизни. Показательно, что 69% респондентов из числа неработающих и 61% опрошенных из группы «рабочих» видят причину жизненного успеха не в труде, а в случайных стечениях обстоятельств и личных связях.

Таблица 1 (Table 1)

**Мировоззренческие установки респондентов различных профессиональных групп,
2019 г., %¹**

Worldview attitudes of respondents from various professional groups, 2019, %

Установки	Предприниматели и руководители	Профессионалы	Полупрофес- сионалы	Работники сферы торговли и услуг	Рабочие	Пенсионеры	Студенты	В настоящее время не работаю	Всего
Смогу сам обеспечить себя и свою семью и не нуждаюсь в поддержке со стороны государства	64	59	47	49	49	21	56	28	45
Без поддержки со стороны государства мне и моей семье не выжить	36	41	53	51	51	79	44	72	55
Главное – это инициатива, предприимчивость, поиск нового в работе и жизни, даже если оказываешься в меньшинстве	72	69	62	66	61	32	81	53	58
Главное – это уважение сложившихся обычаев, традиций	28	31	38	34	39	68	19	47	42
Нужно активно бороться за свои интересы и права	57	59	47	59	53	42	72	43	52
Нужно уметь приспосабливаться к реальности, а не тратить силы на борьбу с ней	43	41	53	41	47	58	28	57	48
Упорный труд не является причиной успеха, это в большей степени результат везения и личных связей	45	49	48	52	61	47	60	69	53
Если упорно трудиться, то в долговременной перспективе это, как правило, оборачивается улучшением жизни	55	51	52	48	39	53	40	31	47
Всего (справочно)	8	17	11	11	24	21	4	4	100

¹ Здесь и далее к слою предпринимателей и руководителей относятся все предприниматели, имеющие наёмных работников; руководители, а также заместители руководителей предприятий или учреждений; руководители среднего или низшего звена и самозанятые ввиду их немногочисленности (не более 1,5–2% в массивах 2018–19 гг.). К слою профессионалов относятся специалисты, должности которых подразумевают наличие высшего образования; к слою полупрофессионалов – служащие на должностях, не требующих высшего образования (офисные работники, неофицерский состав силовых структур, лаборанты и т. д.); к слою рабочих – операторы станков, механизаторы, водители и наладчики от 5 разряда, рабочие 3–4 разрядов, а также 1–2 разрядов и неквалифицированные рабочие. Численность групп «предприниматели и руководители» и «профессионалы» в массиве 2019 г. составила 8 и 17% соответственно, в массиве 2018 г. – 9 и 18% соответственно.

Резюмируя сказанное, отметим, что современные российские «профессионалы» отличаются своими ценностными установками от других профессиональных групп. Бóльшая их часть (а также группа «руководителей») ценностно ориентирована на самообеспечение (как антитезу патернализма), инициативу, предприимчивость и активную борьбу за свои права. Кроме того, представители этой части общества видят в труде основной источник жизненного успеха. Безусловно, между декларированием своего отношения к каким-либо ценностям и реализацией соответствующих практик в повседневной жизни есть существенный разрыв. Тем не менее полученные данные являются ещё одним подтверждением того, что в среде российских «профессионалов» постепенно распространяются эмансипационные ценности. Однако имеет ли стремление «профессионалов» к функциональной независимости и личной свободе политическое измерение?

Включённость «профессионалов» в деятельно-активистские формы гражданского участия

Процессы, происходящие во многих странах мира, в том числе и в России, свидетельствуют о том, что связь между «эмансипационными» ценностями и демократией носит отнюдь не линейный характер, так же, как и соотношение ценностей самовыражения и ценностей выживания. Если властям той или иной страны удаётся обеспечивать приемлемый для большинства населения уровень жизни, отказываясь при этом от целого ряда демократических процедур, то её граждане, в том числе и «продвинутые» группы и слои, не всегда склонны выражать недовольство по этому поводу. Примером этому являются некоторые страны Восточной Европы (Венгрия, Польша, Словакия), а также Турция.

До последнего времени многие молодые, энергичные, активные россияне также считали политическое участие уделом маргиналов, а главной своей жизненной стратегией – держаться подальше от государства и политики и обустривать жизненное пространство исключительно в среде своего непосредственного обитания. В результате доминирование приватной (частной) сферы над публичной [18, с. 27–28] позволило властям без особого сопротивления со стороны гражданского общества свернуть или деконструировать даже те небольшие завоевания отечественной демократии, которые появились в стране на рубеже 1980–90-х гг., например, конкурентные выборы и автономное от региональных и федеральных властей местное самоуправление.

Вместо драйвера прогрессивных общественных преобразований значительная часть среднего класса, по оценке В. Дегоева, превратилась в сословие «одномерных людей», представляющих собой особый социальный тип законченного индивидуалиста, воспринимающего окружающую среду только как субстанцию, существующую для удовлетворения его растущих, преимущественно гедонистических запросов,

которому чужды высокие идеалы и интерес ко всему, что не касается его непосредственно [8, с. 7]. Это, конечно, преувеличение, к тому же относящееся далеко не ко всем группам и слоям среднего класса. Тем не менее в российских реалиях ориентация людей на индивидуальную самореализацию, ограниченность навыков участия в солидаристских практиках и коллективной самоорганизации привела к тому, что на протяжении долгих лет голос среднего класса и «профессионалов» как его наиболее социально активной части не был слышан не только в политической, но и общественной жизни.

За четверть века в постсоветской России так и не появилось общественных и политических организаций, представляющих в публичном пространстве интересы «средних слоёв», а периодически возникающие солидаристские акции носили, как правило, сугубо цеховой характер – врачи вступались за врачей, журналисты за журналистов, актёры за актёров и т. д. Возможно, именно поэтому они имели относительно небольшую поддержку в российском обществе и оказались малоэффективны. Как отмечают некоторые исследователи гражданского участия, например, М. Вулкок, преодолению неравенства, дискриминации и беззакония в странах, где плохо функционируют демократические институты, способствуют общественные организации с широким участием представителей разных социальных групп, при условии, что они готовы, с одной стороны, брать на себя ответственность за своё собственное благополучие, а, с другой стороны, выступать посредниками между обществом и властью [27, с. 186–187].

Тем не менее, начиная с 2017 г. ситуация начала меняться, как только к представителям среднего класса пришло осознание того, что они становятся заложниками решений и действий власти, от рычагов воздействия на которую они добровольно отказались. Если на первых этапах трансформации российского общества «профессионалам» было достаточно монетарной ренты и более-менее нормальных условий для трудовой деятельности, то на современном этапе не меньшее значение для этой группы начинает играть наличие благоприятной социальной среды: безопасность, включая экологическую, наличие развитой социальной инфраструктуры, невмешательство кого бы то ни было в их частную жизнь и т. п. Не случайно, как видно из нижеприведённых данных (см. таблицу 4), такой нематериальный фактор жизненного благополучия, как жизнь в справедливом и разумно устроенном обществе, среди представителей рассматриваемых групп практически сравнялся со стремлением к материальному благополучию, а в группе «руководителей, предпринимателей» даже превосходит его. Более того, среди этой группы данный показатель востребован в наибольшей степени. Также достаточно высокие позиции в иерархии жизненных приоритетов (особенно по сравнению с представителями профессиональных групп) занимает стремление к самореализации и, что важно, – к общественному служению («Быть полезным обществу, внести «свою лепту» в развитие России»).

Таблица 2 (Table 2)

**Жизненные приоритеты представителей различных
социально-профессиональных групп, 2019 г., %**
Life priorities of representatives of various socio-professional groups, 2019, %

Приоритеты	Предприниматели и руководители	Профессионалы	Полупрофессионалы	Работники сферы торговли и услуг	Рабочие	В настоящее время не работают	Всего
Жить в более справедливом и разумно устроенном обществе	53	47	41	44	42	44	44
Жить в достатке, иметь возможность тратить деньги, «не считая копейки»	46	51	48	55	52	43	49
Иметь хорошее здоровье	36	45	42	36	41	50	43
Жить интересно, реализовать себя	31	31	19	18	22	16	22
Быть полезным обществу, внести «свою лепту» в развитие России	24	20	16	10	13	13	15
Иметь хороших детей	23	22	21	22	18	14	19
Иметь хорошую семью	21	25	27	23	23	16	22
Открыть собственное дело	13	7	8	13	12	5	9
Иметь свою отдельную квартиру, дом	11	11	17	16	16	10	13
Стать внешне привлекательным человеком	7	4	3	2	2	2	3
Получить хорошее образование (специальность)	3	4	6	4	3	10	6
Устроиться на хорошую работу	2	4	6	12	11	7	8
Встретить настоящую любовь	2	2	6	3	4	3	3
Стать уважаемым и известным человеком	1	1	1	1	-	3	1
Другое	1	1	2	3	3	6	3

По мере трансформации потребности в благоприятной общественной среде у представителей соответствующих социальных групп начинает меняться и их отношение к государственной власти, неэффективность и коррумпированность которой становится основной преградой для её формирования. Кроме того, многие действия российских властей в период экономического и внешнеполитического кризиса 2014–18 гг. стали прямой или косвенной причиной сокращения рентной отдачи профессионалов на затраченные ими усилия по удержанию привычного материального благосостояния и уровня жизни, соответствующего их социальному статусу. Ответной реакцией этой группы становится политизация, пока пассивная, но очевидно критически настроенная по отношению к действующей власти.

Как видно из данных, приведённых в таблице 5, интерес исследуемых групп к общественно-политической жизни страны не слишком велик (число «руководителей» и «профессионалов», постоянно инте-

ресующихся политикой, составляет 28%) и мало менялся за последние годы. Тем не менее появился новый, заслуживающий внимания тренд, связанный с сокращением в этой среде *полностью деполитизированного сегмента* за счёт заметного увеличения количества интересующихся политикой от случая к случаю – с 37 до 51% в группе «руководителей» и с 40 до 51% в группе «профессионалов». Следовательно, многие представители этих групп уже не столь политически индифферентны, как это было ещё несколько лет назад, хотя и не стремятся особо погружаться в политику. При сохранении нынешнего тренда можно предположить, что для части «профессионалов» и «руководителей» «факультативный» интерес к политике может трансформироваться в постоянный. Аналогичные процессы происходят и в молодёжной среде.

Таблица 3 (Table 3)

Динамика интереса к общественно-политической жизни страны «руководителей» и «профессионалов», а также молодёжи, 2015–18 гг., %
Dynamics of interest of “leaders” and “professionals”, as well as the youth, in the social and political life of the country, 2015–2018, %

Группы опрошенных	Внимательно следят за информацией о политических событиях в стране				Внимательно за информацией о политических событиях не следят, но изредка обсуждают их с друзьями, родственниками				Политикой не интересуются			
	2015	2016	2017	2018	2015	2016	2017	2018	2015	2016	2017	2018
Руководители	36	38	30	28	37	45	52	51	24	17	19	21
Профессионалы	33	24	23	28	40	51	49	51	25	25	29	21
Молодёжь (18–30 лет)	18	13	14	16	37	42	41	45	43	46	46	39
<i>Всего</i>	<i>29</i>	<i>20</i>	<i>21</i>	<i>23</i>	<i>40</i>	<i>45</i>	<i>45</i>	<i>47</i>	<i>30</i>	<i>35</i>	<i>34</i>	<i>31</i>

Важно также иметь в виду, что у нынешнего поколения россиян, в котором всё активнее проявляет себя молодой городской средний класс, уже нет былых разочарований по поводу неудачных попыток демократизации страны в 1980-е и 1990-е гг. и груза несбывшихся надежд на свободу и обеспеченную жизнь. Возможно, именно поэтому сегодняшний запрос на демократизацию не так идеологичен, как тогда. Ценности либеральной представительной демократии сегодня не пользуются большой популярностью у россиян, в том числе и потому, что большинство институтов, претендующих на представительство их интересов (парламенты, политические партии, профсоюзы), как правило, «играют» на стороне власти, а не общества. Поэтому сегодня акцент делается не столько на требования расширения институциональных возможностей влияния на власть, сколько на обеспечение непосредственного представительства в органах власти тех групп и слоёв, которые его практически не имеют. А также на беспрепятственную реализацию важ-

ных для них прав и свобод, в том числе и политических. Как видно из рис. 3, подавляющее большинство опрошенных полагает необходимым обеспечение политических свобод, честных выборов, права на митинги и демонстрации и выступает против их ограничения.



Рис. 3. С каким из приведённых в каждой паре суждений Вы в большей степени согласны? Октябрь 2018, %

Figure 3. Which of the statements in each pair of judgments do you most agree with? October 2018, %

Требование открытости власти во многом связано с тем, что кризис 2014–18 гг. и сменившая его экономическая депрессия породили у многих россиян, как уже отмечалось, сомнение в профессионализме и компетентности тех, кто ими управляет. Появление меритократического дискурса, напоминающего, что власть должна принадлежать достойным и компетентным, свидетельствует о формировании запроса на «эффективное государство» и в целом на изменение характера взаимоотношений между государством и обществом¹. При этом представители рассматриваемых групп, впрочем как и россияне в целом, вовсе не стремятся отказываться от сервисных государственных услуг, но многих из них уже не устраивает идея примата государственных интересов над интересами отдельной лично-

¹ Кустарев А. Меритократия и демократия // Неприкосновенный запас. № 1. 2013 URL: <https://magazines.gorky.media/nz/2013/1/meritokratiya-i-demokratiya.html> (дата обращения: 10.04.2020).

сти. С ней сегодня согласны 29% опрошенных респондентов, не согласны 36% (в группе «профессионалов» их уже 40%) и ещё 35% респондентов не смогли дать однозначный ответ на этот вопрос.

Поэтому можно предположить, что новый аспект демократического дискурса (причём не только в России) будет связан с идеей «меритокризации демократии». Во всяком случае, как показывают исследования, в «осаждённых вирусом» обществах резко возрос спрос на ответственных политических лидеров и компетентных государственных чиновников¹, способных провести свои страны между Сциллой жёстких карантинных мер и Харибдой минимизации экономических и социальных последствий локдауна (от англ. *lockdown* – блокировка, ограничительные процедуры). Понятно, что в наличии такого государства в первую очередь заинтересованы либо работающие на него, либо постоянно соприкасающиеся с его институтами, т. е. прежде всего «профессионалы».

Изменения характера взаимоотношений государства и общества, в свою очередь, актуализируют проблему поиска баланса между государственным управлением и массовым общественным участием. Ни одно государство в мире, в том числе и наше, сегодня не способно собственными силами обеспечивать удовлетворение всех общественных потребностей. Это объективно повышает значение гражданских институтов, различных практик социального и политического участия, с помощью которых граждане непосредственно или опосредованно влияют на принятие органами власти решений, затрагивающих общественные интересы. Для этого, однако, необходим определённый уровень компетентности самих граждан. Речь, конечно, идёт не о профессиональной компетентности в узком смысле, а о «гражданской компетентности» россиян, их способности адекватно оценивать реальность как в стране в целом, так и в своём непосредственном окружении. А также оценивать её пределы в решении тех или иных общезначимых проблем.

Что же касается непосредственной включённости россиян в разнообразные практики политического и общественного участия, то, как показывают исследования, она носит в основном пульсирующий характер, когда всплеск активности сменяется затишьем, затем новым всплеском. Общество, и в основном его активная часть, реагирует на те или иные события, которые для него представляются важными, а затем возвращается к своей обычной повседневной жизни. Как видно из приведённых ниже данных, включённость «профессионалов» в различные формы политического участия заметно (иногда в разы) превосходит аналогичные показатели россиян в целом (см. таблицу 4).

¹ Например, результаты регулярного глобального опроса Ipsos «What Worries the World», проведённого в период с 20 марта по 3 апреля 2020 г. в 28 странах мира, показывают, что в целом ряде случаев успешность или неуспешность действий национальных властей в борьбе с коронавирусом влияют на оценку правильности или неправильности развития соответствующих государств. Так, в Германии, которая на фоне других европейских стран довольно эффективно боролась с эпидемией, число полагающих, что их страна движется в правильном направлении, возросло по сравнению с началом марта 2020 г. на 19 п. п. и достигло 50% (для сравнения в среднем по всем странам, участвующим в исследовании, этот показатель находится на уровне 46%). В свою очередь, в США доля уверенных в правильности выбранного курса развития страны снизилась на 7 п. п. и достигла 41%. Подробнее см.: Что волнует мир? Коронавирус вытеснил все другие проблемы. URL: <https://www.ipsos.com/ru-ru/chto-volnuet-mir-koronavirus-vytesnil-vse-drugie-problemy> (дата обращения: 12.05.2020).

Таблица 4 (Table 4)

Формы социального и политического участия в группе профессионалов, 2018 г., %
Forms of social and political participation in a group of professionals, 2018, %

Формы участия	«Профессионалы»*	Всего по выборке
Участие в деятельности общественных организаций и объединений		
Профсоюзы	11	4
Социальные волонтерские движения (помощь пострадавшим при пожарах, наводнениях и т.п.)	10	5
Благотворительные организации	9	4
Интернет-сообщества	8	6
Экологические организации	7	3
Территориальное общественное самоуправление, ТСЖ	6	4
Объединения по защите памятников культуры, архитектуры и т.п.	4	2
Религиозные организации	3	2
Общества защиты прав потребителей	3	2
Правозащитные организации	2	1
Не приходилось участвовать в перечисленных организациях, объединениях и сообществах	64	80
Участие в политической жизни страны		
Участие в выборах в качестве избирателя (голосование)	56	47
Обсуждение политических событий с друзьями, коллегами по работе, учёбе	24	18
Участие в выборных кампаниях в качестве наблюдателя, агитатора, сборщика подписей и т.п.	11	6
Участие в общественно-политических акциях (митингах, демонстрациях и т.п.)	8	5
Участие в публичных слушаниях, в подаче обращений в органы власти и т.п.	6	3
Работа в выборных органах местного самоуправления (советах депутатов)	6	2
Поддержание связи с политическими единомышленниками в социальных сетях, на форумах в интернете	5	2
Участие в работе политических партий	3	2
Участие в деятельности правозащитных организаций	2	1
Никакого участия в политической жизни не принимали	31	45

* Фоном выделены ячейки, значения в которых превышают распределение по выборке в целом более чем на величину статистической погрешности в 2–3%.

Например, в волонтерской работе на выборах в качестве наблюдателя, агитатора, сборщика подписей и т. п. были задействованы 11% представителей этой группы и 6% россиян в целом. Примерно на том же уровне (от 1 до 6%) находятся и показатели неполитического, социального участия россиян в жизни общества. Здесь «профессионалы» также заметно активнее, чем россияне в целом. Они охотнее откликаются на разного рода социальные инициативы, участвуя в волонтерских, экологических, благотворительных и других формах низовой самоорганизации, приносящей конкретную и осязаемую помощь людям, нуждающимся в ней.

Несмотря на то, что представленные данные на первый взгляд не слишком впечатляют, не следует забывать, что данная группа включает в себя востребованных в профессиональном отношении людей; и тот факт, что каждый десятый из них на добровольной основе в свободное время принимает участие в деятельности волонтерских и благотворительных организаций, дорогого стоит. Кроме того, сравнительно высокий уровень включённости представителей этой группы в политические процессы, участие в которых особенно специалистов-бюджетников, требует определённого мужества и готовности выйти из зоны «социального комфорта». Впрочем, большинство представителей рассматриваемых групп – вполне лояльные граждане, не заинтересованные в конфронтации с государством.

Это не исключает наличия «шероховатостей», существующих во взаимоотношениях некоторых властных институтов с гражданскими активистами. Не только представители государства с подозрением относятся к спонтанной, неконтролируемой активности россиян, но и многие активисты опасаются контактировать с властными структурами, полагая, что сотрудничество с ними заканчивается «огосударствлением» гражданских институтов, как это часто происходит со многими НКО. Идеальным сценарием было преодоление этого недоверия за счёт нахождения новых форм «общественно-государственного партнёрства», позволяющих обеим сторонам взаимодействовать, сохраняя определённую дистанцию и самостоятельность, при этом действуя во имя общественного блага. Это могло бы открыть новые возможности для демократического участия, но пока интенции к такому сотрудничеству не видно ни с одной, ни с другой стороны.

Заключение

Подводя итоги, следует отметить, что в России сегодня сформировался значимый социальный слой, ядро которого составляют «профессионалы», заинтересованные в эволюции страны в сторону её большей открытости и законности. Этой части общества присущи ориентация на собственные силы, индивидуальный выбор в реализации жизненных стратегий и активное отстаивание своих прав и интересов. Независимость и самодостаточность «профессионалов» носит изначально функциональный, а не политический характер, и связана прежде всего с принадлеж-

ностью к относительно благополучному условному «среднему классу», обладающему высоким уровнем образования и специфическими профессиональными навыками.

Отмечаемое в течение последних лет сокращение доли не интересующихся политикой и рост «фоновой» интереса к ней в группе «профессионалов» является, по всей видимости, реакцией на действия властей, которые не только не могут сохранить достигнутый в 2000-х гг. уровень жизни, но и всё чаще вторгаются в частную жизнь граждан¹, большинство из которых уже привыкло считать её сферой, свободной от политики. Можно сказать, что это контрполитизация, направленная против политизации, навязываемой властью. И всё же, несмотря на распространение в среде российских «профессионалов» эмансипационных ценностей, эта социальная группа пока не готова к тому, чтобы стать действующей силой политических преобразований. На данный вызов «профессионалы» демонстрируют отказ от участия в том, что К. Крауч называет «электоральными играми» [11, с. 19], но и не претендуют на то, чтобы получить возможность самим устанавливать правила игры. В последнее время, однако, ситуация начала меняться. Наблюдаемые в настоящее время процессы дают основания предполагать, что политизация российского общества ещё больше усиливается, и значительная его часть не только вновь обретает веру в свою способность влиять на власть, но и активно включается в разнообразные процессы и практики демократического участия.

Для того чтобы «бурление», имеющееся в российском обществе, переросло в позитивное политическое действие, у «профессионалов» и других социально активных общественных групп должны появиться коллективные лица², которые смогут вступать в политические отношения как с действующей властью, так и с другими частями общества. Это не только вернёт Россию в русло демократического развития, но и уберёт её от потрясений, которые являются обычным следствием взрывной политизации масс.

Библиографический список

1. Алмакаева А. М., Мавлетова А. М. Модернизационные процессы в России: ожидать ли сдвига в сторону эмансипативных ценностей? // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2018. № 6. С. 91–112. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2018.6.05>.

2. Аникин В. А. Социальные классы новой России – неравные и разные // Социологические исследования. 2020. № 2. С. 31–42. DOI: 10.31857/S013216250008492-4.

¹ Например, вводя ограничения, осложняющие доступ к зарубежным продуктам или технологиям, а также усиливающие контроль за использованием частных средств граждан, находящихся на их банковских счетах.

² Это не обязательно должны быть формальные политические партии, но это должна быть коллективность с ярко выраженной политической субъектностью, например, такой, как у движения «Black lives matter».

3. Бауман З. Глобализация. Последствия для человека и общества / Пер. с англ. М.: Весь Мир. 2004. 188 с.
4. Белл Д., Иноземцев В. Л. Эпоха разобщённости: Размышления о мире XXI века. М.: Центр исследований постиндустриального общества, 2007. 304 с.
5. Брукс Д. Бобо в раю. Откуда берётся новая элита. М.: Ад Маргинем Пресс, 2013. 296 с.
6. Гельман В. Я. «Недостойное правление»: политика в современной России. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2019. 254 с.
7. Голосов Г. В. Демократия в России: инструкция по сборке. СПб.: БХВ-Петербург, 2012. 208 с.
8. Дегоев В. Самоослепление: новая политическая мифология России // Политический журнал. 2006. № 45–46. С. 7–15.
9. Дзоло Д. Демократия и сложность: реалистический подход. М.: ГУ ВШЭ, 2010. 320 с.
10. Инглхарт Р., Вельцель К. Модернизация, культурные изменения и демократия: Последовательность человеческого развития. М.: Новое издательство, 2011. 464 с.
11. Постдемократия / пер. с англ. Н. В. Эдельмана. М.: ИД ГУ-ВШЭ, 2010. 192 с.
12. Лапин Н. И. Социокультурные факторы российской стагнации и модернизации // Социологические исследования. 2011. № 9. С. 3–17.
13. Левицкий С., Вэй Л. А. Подъем конкурентного авторитаризма // Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре. 2018. № 5. С. 29–47.
14. Лубский А. В., Лубский Р. А. Этатизм и патернализм как культурные маркеры цивилизационной идентичности в России // Гуманитарий Юга России. 2013. № 3. С. 90–103.
15. Магун В. С., Руднев М. Г., Шмидт П. Европейская ценностная типология и базовые ценности россиян // Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии. 2015. № 3–4 (121). С. 74–93.
16. Масикова Н. С. Ценности россиян и жителей европейских стран-лидеров (по данным Европейского социального исследования) // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2013. № 6 (118). С. 144–152.
17. Петухов В. В. Гражданская активность как альтернатива антидемократическому тренду российской политики // Политические исследования. 2013. № 5. С. 87–99.
18. Политика аполитичных: Гражданские движения в России 2011–2013 годов. М.: Новое литературное обозрение, 2014. 480 с.
19. Стародубровская И., Лободанова Д. Креативный класс и креативный город: российское преломление // Экономическая политика. 2013. № 5. С. 127–149.

20. Тихонова Н. Е. Средний класс в современной России: особенности идентичностей и мировоззрения // Будущее социологического знания и вызовы социальных трансформаций (к 90-летию со дня рождения В. А. Ядова). Международная научная конференция (Москва, 28–30 ноября 2019 г.). Сборник материалов / Отв. ред. М. К. Горшков. М.: ФНИСЦ РАН. 2019. С. 420–425. DOI [10.19181/yadov_conf.2019](https://doi.org/10.19181/yadov_conf.2019)
21. Тихонова Н. Е. Человеческий капитал профессионалов и руководителей: состояние и динамика // Вестник Института социологии. 2017. № 21. С. 140–165. DOI: [10.19181/vis.2017.21.2.462](https://doi.org/10.19181/vis.2017.21.2.462)
22. Федотова В. А. Ценности россиян в контексте возрастных различий // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2017. № 1. С. 78–86. DOI: [10.17072/2078-7898/2017-1-78-86](https://doi.org/10.17072/2078-7898/2017-1-78-86)
23. Флорида Р. Креативный класс: люди, которые меняют будущее. М.: Классика-XXI, 2011. 419 с.
24. Харитонова О. Г. Недемократические политические режимы // Политическая наука. 2012. № 3. С. 9–30.
25. Ядов В. А. К вопросу о национальных особенностях модернизации российского общества // Мир России. Социология. Этнология. 2010. № 3. С. 46–56.
26. Ясин Е. Г. Модернизация и общество: доклад к VIII Межд. науч. конф. «Модернизация экономики и общественное развитие», Москва, 3–5 апреля 2007 г. М.: ИД ГУ-ВШЭ, 2007. 114 с.
27. Woolcock M. Social capital and economic development: Toward a theoretical synthesis and policy framework // Theory and Society. 1998. Vol. 27 № 2. P. 151 – 208. DOI: <https://doi.org/10.1023/A:1006884930135>.

Статья поступила 21.04.2020

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Петухов Владимир Васильевич, кандидат философских наук, руководитель Центра комплексных социальных исследований Института социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия

Петухов Роман Владимирович, кандидат юридических наук, старший научный сотрудник Центра комплексных социальных исследований Института социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия

DOI: [10.19181/vis.2021.12.1.697](https://doi.org/10.19181/vis.2021.12.1.697)

Socially Active Groups of Russian Society: Forming a Demand for Democratic Participation

Funding: The reported study was funded by RFBR, project No. 20-011-31-518 «Human capital of professionals: current situation, reproduction and role in bolstering Russia's competitiveness»

Vladimir V. Petukhov

Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology
of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

E-mail: petuhovvv@mail.ru

ORCID ID: 0000-0001-9955-9063

Roman V. Petukhov

Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology
of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

E-mail: petuhovrv@yandex.ru

ORCID ID: 0000-0003-0940-9315

For citation: Petukhov V. V., Petukhov R. V. Socially active groups of Russian society: forming a demand for democratic participation. *Vestnik instituta sotziologii*. 2021. Vol. 12. No. 1. P. 16–38 DOI: 10.19181/vis.2021.12.1.697

Abstract. Based on the data of public opinion polls, the article assesses the degree of politicization and involvement in the practice of civic participation of a social group of “professionals”, by which we mean the Russian people with higher education and, as a rule, earning a living through mental labour. It is believed that this very part of society is one of the main pillars of democratic regimes in most of the developed countries.

In the Russian realities, as the authors of the article note, the representatives of this group for a long time were focused on individual self-realization and avoided participation in the social and political life of the country, that led to the lack of adequate representation of their interests in public policy. In the past few years, as demonstrated by the FCTAS RAS studies, a demand for democratic participation began to form against the backdrop of the awareness of “professionals”, as well as of many other representatives of the middle class, of the importance of a favorable social environment (security, including environmental security, the presence of a developed social infrastructure, non-interference in the citizens private life, etc.). The authors believe that this is a request not only for adequate representation of the interests of these groups in the state, but also for changing the very nature of relations between the society and the state.

The authors emphasize that the direct involvement of “professionals” in the practice of political and social participation is of “pulsating” nature yet, representing their reaction to certain political events that seem important. Despite the fact that the level of this involvement is not very high, nevertheless, it noticeably (and sometimes multiple) exceeds similar indicators of other socio-professional groups. In the event of a further deterioration in the quality of the socio-political environment and a decrease in the standard of living in the country, the “background” interest of the majority of Russian “professionals” in politics might be transformed into systematic and more active practices of political participation.

Keywords: professionals, democracy, civic participation, creative class, emancipatory values, interest in politics, civic activism

References

1. Almakaeva A. M., Mavletova A. M. Modernization processes in Russia: can we expect the shift to emancipative values?. 2018. No. 6: Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes. P. 91–112. DOI: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2018.6.05>. (In Russ.)
2. Anikin V. A. Social classes of the new Russia: unequal and different. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 2020. No. 2. P. 31–42. DOI: 10.31857/S013216250008492-4. (In Russ.)
3. Bauman Z. Globalization. The Human Consequences. Moscow: Ves' Mir. 2004. 118 p. (In Russ.)
4. Bell D., Inozemtsev V. L. *Epokha razobshchennosti: Razmyshleniya o mire XXI veka* [The Era of Disunity. Reflections on the World of the 21st Century] Moscow: Center for Research on Post-Industrial Society. 2007. 304 p. (In Russ.)
5. Brooks D. *Bobo in Paradise. The New Upper Class and How They Got There*. Transl. from Eng. by D. Simanovsky. Moscow: Ad Marginem Press. 2013. 296 p. (In Russ.)
6. Gelman V. J. “Nedostoynoye pravleniye”: politika v sovremennoy Rossii [The Politics of Bad Governance in Contemporary Russia]. St. Petersburg: European University in St. Petersburg publ., 2019. 254 p. (In Russ.)
7. Golosov G. V. *Demokratiya v Rossii: instruktsiya po sborke* [Democracy in Russia: an assembly instructions]. St. Petersburg: BHV-Petersburg. 2012. 208 p. (In Russ.)
8. Degoev V. *Samooslepleniye: novaya politicheskaya mifologiya Rossii* [Self-blinding: a new political mythology of Russia]. *Political journal*. 2006. No. 45–46. P. 7–15. (In Russ.)
9. Dzolo D. *Demokratiya i slozhnost': realisticheskiy podkhod* [Democracy and Complexity: A Realistic Approach]. Moscow: SU HSE publ., 2010. 320 p.
10. Inglehart R., Welzel K. *Modernization, Cultural Change and Democracy: The Human Development Sequence*. Transl. from Eng. by M. Korobochkin. Moscow: Novoe izdatel'stvo publ. 2011. 464 p. (In Russ.)

11. Crouch K. Post-democracy. Transl. from Eng. by N. V. Edel'man. Moscow: SU HSE publ., 2010. 192 p. (In Russ.)
12. Lapin N. I. Sotsiokul'turnyye faktory rossiyskoy stagnatsii i modernizatsii [Socio-cultural factors of Russian stagnation and modernization]. Sotsiologicheskie issledovaniya. 2011. No. 9. P. 3–17. (In Russ.)
13. Levitsky S., Way L. A. The Rise of Competitive Authoritarianism. Neprikosnovenny Zapas: debaty o politike i kulture. 2018. No. 5. P. 29–47. (In Russ.)
14. Lubsy A. V., Lubsy R. A. Etatizm i paternalizm kak kul'turnyye markery tsivilizatsionnoy identichnosti v Rossii [Statism and paternalism as cultural markers of civilizational identity in Russia]. Humanitarian of the South of Russia. 2013. No. 3. P. 90–103. (In Russ.)
15. Magun V. S., Rudnev M. G., Schmidt P. European value typology and basic values of Russians. Vestnik obshchestvennogo mneniya. Dannye. Analiz. Diskussii. 2015. Vol. 121. No. 3–4. P. 74 – 93. (In Russ.)
16. Mastikova N. S. Values of Russians and Residents of European Leading Countries (According to the European Social Research). Monitoring obshchestvennogo mneniya: Economicheskie i sotsial'nye peremeny. 2013. Vol. 118. No. 6. P. 144–152. (In Russ.)
17. Petukhov V. V. Civil Activity as an Alternative to the Anti-Democratic Trend of Russian Politics. Politicheskie issledovaniya. 2013. No. 5. P. 87–99. (In Russ.)
18. Politika apolitichnyh: Grazhdanskie dvizheniya v Rossii 2011 – 2013 godov [Politics of the Apolitical: Civil Movements in Russia 2011–2013] Ed. by M. L. Alyukov, S. V. Erpyleva and others. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2014. 480 p. (In Russ.)
19. Starodubrovskaya I., Lobodanova D. Creative class and creative city: Russian refraction. Economicheskaya politika. 2013. No. 5. P. 127–149 (In Russ.)
20. Tikhonova N. E. Sredniy klass v sovremennoy Rossii: osobennosti identichnostey i mirovozzreniya [The middle class in modern Russia: features of identities and worldview]. Materials of the International Scientific Conference 'The future of sociological knowledge and the challenges of social transformations' (Contribute to the 90'th anniversary of the birth of V. A. Yadov). Ed. by M. K. Gorshkov. Moscow: FCTAS RAS publ., 2019. P. 420–425. (In Russ.)
21. Tikhonova N. E. Human capital of professionals and managers: state and dynamics. Vestnik Instituta sotziologii. 2017. No. 21. P. 140–165. (In Russ.)
22. Fedotova V. A. Values of Russians in the context of intergenerational relations. Vestnik Permskogo universiteta. Filosofiya. Psihologiya. Sociologiya. 2017. No. 1. P. 78–86. DOI: 10.17072 / 2078-7898 / 2017-1-78-86 (In Russ.)
23. Florida R. The rise of the creative class and how it's transforming work, leisure, community and everyday life Transl. from Eng. by A. Konstantinov. 2011. Moscow: Classic-XXI. 419 p. (In Russ.)
24. Kharitonova O. G. Non-democratic political regimes. Politicheskaya nauka. 2012. No. 3. P. 9–30. (In Russ.)
25. Yadov V. A. K voprosu o natsional'nykh osobennostyakh modernizatsii rossiyskogo obshchestva [On the nation-specific features of modernization in Russia]. Mir Rossii. Sotsiologiya. Etnologiya. 2010. Vol. 19. No. 3. P. 46–56. (In Russ.)
26. Yasin E. G. Modernizatsiya i obshchestvo [Modernization and society] Materials of the VIII International scientific conference "Modernization of the economy and social development". Moscow: SU HSE publ., 2007. 114 p. (In Russ.)
27. Woolcock M. Social capital and economic development: Toward a theoretical synthesis and policy framework. Theory and Society. 1998. Vol. 27. No. 2. P. 151–208. <https://doi.org/10.1023/A:1006884930135>

The article was submitted on: April 21.2020

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Vladimir V. Petukhov, candidate of philosophical sciences,
Head of the Center, Institute of Sociology of FCTAS RAS, Moscow, Russia
Roman V. Petukhov, candidate of Just Sciences, senior research fellow,
Institute of Sociology of FCTAS RAS, Moscow, Russia